

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СОВЕТСКИХ ОТКАЗНИКОВ

История возрождения еврейского самосознания в Советском Союзе в пятидесятых-семидесятых годах прошлого века пока далеко не изучена. Мир все еще разбирается с тем, почему евреи, десятилетиями вносившие большой вклад в создание образа советского человека, вдруг вспомнили, что они - евреи, причем уже тогда, когда выросло два поколения людей, практически целиком оторванных от еврейской традиции, культуры, религии. Вышедшая недавно книга "Еврейское движение в СССР глазами его участников" может считаться энциклопедией этого удивительного явления. Профессор ЯКОВ РОИ (на снимке) и ДОКТОР ИЛЬЯ ВОВШИН постарались представить его картину максимально полной, ведь движение за право быть евреем увлекло не только бунтарскую молодежь Москвы, Ленинграда, Киева, но и далекие провинциальные городки

Виктория **МАРТЫНОВА**,
Яков **ЗУБАРЕВ**

Профессор Тель-авивского университета Яков Рои посвятил изучению советской и постсоветской истории много лет своей жизни. Родился и вырос он в Великобритании, после репатриации в юношеском возрасте в Израиль поступил в Еврейский университет Иерусалима и стал изучать еврейскую историю и русский язык. Он автор множества книг, а свою новую книгу — "Если не я, то кто же? Еврейское движение в СССР глазами его участников" — выпустил сейчас, в 92 года. Мы встретились в его иерусалимской квартире.

- Господин профессор, как вы пришли к мысли о том, чтобы провести такое широкое исследование и встретиться с огромным количеством бывших советских отказников? Ведь существуют десятки книг, посвященных борьбе советских евреев за свой исход — что вы хотели узнать нового?

- В 2012 году, когда вышла моя книга на английском языке "The Jewish movement in the Soviet Union" ("Еврейское движение в Советском Союзе"), меня пригласили поучаствовать в работе специальной комиссии министерства абсорбции, которая должна была выдать удостоверения "пеилей-алия" участникам движения за право возвращения на историческую родину. Я получил много, очень много имен и убедился в том, что борьба советских евреев распространялась по всему СССР. В списках были сотни людей из более 60 городов Советского Союза. Я понял, что истинная картина борьбы совершенно иная, малознакомая и малоизученная, и решил, что необходимо собрать свидетельства максимально большого числа участников тех событий, в особенности из городов на периферии, поскольку деятельность еврейских активистов не ограничивалась, как считали многие, Москвой, Ленинградом и Киевом. Активисты действовали в Самаре, Ростове-на-Дону, Черкассах, Черновцах... Несколько названий городов я услышал впервые и понял, что пока не поздно — ведь время берет свое, участники тех событий уже далеко не молодые люди, — надо записать их свидетельства о том, как возрождалось еврейское самосознание. Как люди обнаруживали, что они евреи, как они жили с этим, как менялись их отношения с родными, с бабушками, дедушками, родителями, детьми, когда они решались вдруг изменить свою жизнь и встать на путь борьбы. Мы с самого начала отказались от знаменитых историй отказничества, поместив

в центр внимания истории не самых известных героев той эпохи, а обыкновенных людей.

- Книга о подъеме еврейского самосознания в СССР и... без Щаранского, без "самолетного дела"?

- Я два раза встречался с Щаранским для подготовки интервью, но когда решил договориться о собственно интервью, его помощники дважды отказали мне в этом. Что же касается "самолетного дела", то в книгу вошли три интервью с его участниками. Но, как я сказал, наше внимание было привлечено к участникам движения, чьи истории не были широко известны. Эмоциональные, личные истории оказались гораздо интереснее, чем академические статьи. Я увидел, что это другие рассказы, более жизненные, подлинные. И когда у тебя в руках оказываются эти удивительные свидетельства, картина противостояния евреев советской власти выглядит совершенно иной.

Меня очень интересовали простые вещи: как люди, решившиеся отстаивать свою еврейскую идентификацию, справлялись с личными проблемами в семьях на протяжении долгого времени, как преодолевали возникающие конфликты. Ведь далеко не всегда члены семьи были едины, нередко рушились отношения между детьми и родителями. Порой родители выступали против еврейского протеста детей, ведь он было опасен. Жизненные ситуации, о которых нам рассказывали, поистине потрясающие. Отец Владимира Слепака, например, отказался дать ему разрешение на выезд в Израиль. В другой семье мать отказалась подтвердить, что она еврейка, поскольку не хотела, чтобы дочь считала себя таковой. Еврейские дети, решившиеся снять пионерский галстук, шокировали сверстников. Вот одна из впечатляющих историй того времени: москвичка Марина Темкина выучила иврит с помощью

отца, Александра, и книги своего учителя Леви Ицхака Риклиса. Два года спустя Александр начал водить дочь в синагогу, потом захотел оформить для нее и себя разрешение на выезд в Израиль, однако мать воспротивилась их отъезду. А когда отец и дочь начали участвовать в демонстрациях и писать петиции, Марину несколько раз вызывали к директору школы. Та предупредила Марину, что если она добровольно не откажется от эмиграции, ее отправят либо в интернат, либо в психиатрическую больницу, поскольку ее поведение не соответствует советскому образу жизни и, следовательно, является психиатрической проблемой. В знак протеста Марина сняла пионерский галстук и надела магендавид.

В январе 1973 года ее родители развелись, Александра обвинили в дурном влиянии на дочь и лишили родительских прав. Марина переехала к бабушке по отцовской линии, но была насильно отправлена милицией в пионерский лагерь на побережье Черного моря, в нескольких тысячах километров от Москвы. Там она четыре дня держала голодовку в знак протеста против своего похищения. Наконец, почти год спустя, после обещания избегать любых контактов с отцом, бабушкой и всеми, кто был связан с еврейским движением, ей позволили вернуться в Москву.

Константин (Костя), сын киевлян Льва и Инны Альберт, перенес не менее травмирующее детство. В 1976 году, когда мальчику было пять лет, его родители получили отказ в просьбе репатрироваться в Израиль. Лев по выходным дням организовал у себя в доме школу, где Костя вместе с другими детьми изучал иврит. Когда ему исполнилось девять лет, родители стали называть сына Карми, в 11-летнем возрасте на московской квартире Натальи и Геннадия Хасиных он прошел обряд обрезания. Год спустя Льва арестовали и отправили на год в лагерь. Карми сопровождал мать в ее визитах к отцу и когда впервые увидел его лысым, безбородым и похудевшим на 15 килограммов, сказал ему: "Я вырос".

Инна отправилась в Москву и объявила голодовку, которая длилась более срока дней — в ее-то 62 года! Сотрудники КГБ пришли тогда к ним на квартиру и пригрозили Карми, что если мать не прекратит голодовку и не вернется в Киев, ее отправят в психушку, а его отдадут в детский дом. В то время Карми был жестоко избит соучениками в школе как сын еврейских активистов, о которых украинская пресса часто публиковала клеветнические статьи, в результате побоев потерял зрение и повредил почки. Его лечил

некий китайский врач, сочувствовавший диссидентам.

В 15-летнем возрасте Карми поехал по заданию отца в Кишинев, Одессу и другие города юга Украины, чтобы собрать подписи отказников под петицией в Верховный Совет. Эта миссия вылилась в очередную ненавистническую статью в газете "Вечерний Киев", которая утверждала, что родители используют сына в целях антисоветской пропаганды. Год спустя, незадолго до призыва юноши в армию, Лев и Инна начали голодовку в Москве за право репатрироваться в Израиль, которая получила резонанс во всем мире. Через 25 дней Карми присоединился к ним. Спустя несколько месяцев семья получила, наконец, долгожданное разрешение.

Имеются также интереснейшие факты еврейского движения во второй половине пятидесятых годов в Риге, где целое поколение молодых евреев поддержало своих родителей, подавших в ОВИР заявления на выезд. Или история двенадцатилетнего мальчика, которого отправили из Узбекистана к родственникам во Львов, пока его отец находился под арестом за антисоветскую пропаганду. Подумать только! Ведь это происходило в ту пору, когда не было мобильных телефонов, и неоткуда было узнать, как мальчик, что с ним. Москвичи были смелы, возможно, из-за ощущения "спины" — в столице находились корпункты многих западных изданий, и случись что-то с активистами движения, с отказниками, это мгновенно становилось известно в мире. В других городах противостояние порой было еще жестче.

- Вы многие годы занимаетесь историей борьбы советских евреев за возвращение. Нашлось что-то, что вас особенно удивило?

- Поражает количество денег, которые тратил КГБ на отслеживание деятельности еврейских активистов. А с другой стороны, поражает упрямство участников движения, их взаимная солидарность. Они понимали, что КГБ следит за каждым их шагом, знали, что рано или поздно за ними могут прийти. Но, тем не менее, не